

Микуленок Юлия Андреевна**Mikulenok Yulia Andreevna**

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

PhD in History, Lecturer, General Studies Department, North Caucasus Branch of Russian State University of Justice

ЖИЛИЩНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ОБЫВАТЕЛЯ В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

HOUSING CONFLICTS AND EMOTIONAL WORLD OF EVERYMAN IN THE 1920S (BY CASE STUDY OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Аннотация:

В статье рассмотрены жилищные конфликты и эмоциональный репертуар обитателей муниципализированного жилья в раннесоветский период на примере юга России. Проанализированы жилищная политика советской власти, причины и формы жилищных конфликтов. Особое внимание обращено на эмоциональный репертуар городского провинциального обывателя. В результате анализа источников доказана взаимосвязь между взаимоотношениями соседей и их эмоциональным миром.

Ключевые слова:

жилищный вопрос, 1920-е гг., жилищный конфликт, эмоциональный мир, история эмоций, история повседневности.

Summary:

The article reviews the housing conflicts and the emotional range of the inhabitants of the municipalized housing in the early Soviet period by case study of the South of Russia. The article analyzes the housing policy of the Soviet government, the reasons and forms of housing conflicts. Special attention is paid to the emotional range of the urban provincial everyman. As a result of the sources analysis, the author proves the interrelation between the relationship of neighbours and their emotional world.

Keywords:

housing problem, 1920s, housing conflict, emotional world, history of emotions, history of everyday life.

Важнейшей задачей, стоявшей перед советской властью, было решение жилищного вопроса, который назрел еще до революции и обострился к 1920-м гг. Процесс урбанизации в первое десятилетие после установления новой власти проходил в условиях отсутствия массового жилищного строительства [1]. В 1920-е гг. средняя стоимость 1 куб. сажени строений в СССР из-за дороговизны строительных материалов составляла 280–300 р., тогда как в Европе строительство жилья обходилось в разы дешевле. Так, себестоимость строительства в Германии составляла 120 р., Англии – 100–110, Франции 120–130, в США – 180 р. [2, с. 90]. С 1923 по 1930 г. объемы жилищного строительства в Советской России увеличились почти в 2 раза, однако это не могло обеспечить всех желающих жильем. Так, согласно данным переписи населения в Кубанской области 1926 г., в среднем на одного человека приходилось от 3,7 до 6 м² при минимальной санитарной норме в 8 м², учитывая полуподвальные и подвальные помещения [3, с. 91]. Стоит заметить, что в среднем в Советской России на одного человека в 1920-е гг. приходилось не более 6,5 м² [4, р. 290].

Советская власть объявила, что приоритет в заселении должен отдаваться рабочим и бывшим красноармейцам, которых стали заселять в квартиры «бывших». Однако именно эта группа населения особо остро испытывала на себе «жилищный голод» [5, с. 111]. Неквалифицированные рабочие заселяли любые помещения, которые можно было использовать как жилое помещение: котельные, склады, заброшенные магазины, списанные вагоны, конюшни, гаражи [6, с. 186], бараки при заводах и фабриках или малопригодные для жилья комнаты, не соответствовавшие элементарным санитарным нормам. Так, семья Шиликина из Кубанской области, состоявшая из 7 человек, жила в сырой кухне с бетонным полом [7]. Одна семья рабочих из Краснодара в качестве жилья использовала бывшую ванную, другая была вынуждена ютиться в подвале [8]. Еще одна семья жила в передней, которая служила им и столовой, и кухней, и местом для сна [9]. Житель Краснодара Плесков со своей семьей занимал сырую и темную комнату [10]. Профессор Мухин жил в комнате, в которой протекал потолок [11]. В раннесоветский период только 15 % рабочих имели жилую площадь, соответствовавшую элементарным санитарным нормам. Так, 52 % опрошенных А.Г. Каганом респондентов не устраивали их жилищные условия (объем выборки – 332 человека в возрасте 16–24 лет) [12, с. 18].

Для партийной элиты идеальным вариантом расселения пролетариата стала коммунальная квартира, которая одновременно помогла обеспечить жильем нуждающихся и стала средством идеологического контроля. В таком жилище соседи знали буквально все друг о друге: профессию, семейное положение, социальное происхождение. Всеобщим достоянием становились и пороки жителей коммунальных квартир [13, с. 112].

Однако постоянный контроль со стороны соседей, совместное проживание с людьми разного происхождения, биографией и менталитетом эмоционально истощали многих жильцов [14]. Неудивительно, что коммунальная квартира стала источником стрессов и конфликтов. Ссоры, бытовые конфликты и оскорбления были неотъемлемой частью жизни жильцов муниципализированного жилья. Так, жители одного муниципализированного домовладения на Кубани терпели грубость и хамство одного из жильцов. Один из пострадавших пишет (стилистика документа сохранена): «...Пол-месяца тому назад я обратился к тов. Пушкареву с вопросом почему им продается квартира частному лицу, на что он мне ответил “не ваше дело; что я хочу, то сделаю, я хозяин этой квартиры”, я ответил “Вы не имеете права эксплуатировать квартирой” после чего он начал меня ругать по матерному, в креста бога и др-ми словами которые я не могу написать, то же относилось и к моей жене» [15]. Члену партии Жеребрину был сделан строгий выговор за нанесение оскорбления одному из членов жилколлектива [16].

Эмоциональная атмосфера коммунальной квартиры изматывала жильцов психологически, и порой единственным способом снять эмоциональное напряжение был спровоцированный конфликт [17, с. 116], который усугублялся эмоциональной несовместимостью жильцов, намеренно формируемой классовой политикой власти. Партийная элита обвинила «бывших» в росте жилищного кризиса: «...Как-то бочком пробрался и уютно расположился в лучших жилищах Питера нэпман, а любая пролетарская семья, как и в старые времена, ютится в подвальных этажах» [18, с. 2]; «Жилколлективы выживают рабочих, чтобы вселить нэпманов» [19, с. 1]; «Как только был объявлен НЭП, в г. Краснодаре начали, как грибы после дождя, вырастать различные “жилищные товарищества”, ...в них пробрались спекулятивные элементы» [20, с. 1].

Нередко одной из причин жилищных конфликтов становилась личная неприязнь. Так, гражданка Калабухова, желая свести счеты со своим соседом, обратилась с ложной жалобой в партийную контрольную комиссию [21]. Анастасия Кравченко, ревнуя своего мужа к соседке Сульженко, провоцировала последнюю на постоянные конфликты [22].

Обитатели муниципализированных домовладений испытывали по отношению к соседям в основном негативные эмоции: неприязнь, зависть, злость, ненависть. Зависть стала одной из преобладающей эмоций у обывателя. Чувство зависти вызывало любое отступление от «нормы коммунистического быта»: излишек квадратных метров, более комфортная мебель, высокий социальный статус, наличие прислуги. Так, некий Глаз писал: «Касаров Сав. Назаров, живущий в городе Армавире, ...как белый офицер и доброволец Корниловского полка, к низшему классу не подходит, хотя он сейчас и член партии г. Пятигорска, отец его, бывший управляющий, имел земельный надел на 2 души, эксплуатировал землю и получал с нее доход и таким образом за свою жизнь отстроил 2 дома... Пусть это посмотрит комиссия и убедится. Имеет также на задней постройке двора сараи. Пусть все детали комиссия рассмотрит. И за прошлое этого белого бандита сошлет на Соловки или куда подальше» [23].

Зачастую конфликты в демуниципализированных домовладениях происходили из-за завышения квартирной платы. Советская власть четко регулировала размер квартирной платы для различных социальных групп, соответственно, самые низкие ставки были у рабочих. Арендодателю было невыгодно сдавать комнаты рабочим по установленным ценам: домовладелец за свой счет производил ремонт здания и выплачивал налоги и недоимки жильцов. Поэтому домохозяйства старались повысить квартирную плату при любой возможности. Городские обыватели, выходцы из рабочей среды, активно отстаивали свои права [24, с. 120]. Некий анонимный гражданин писал в своей жалобе: «Со дня моего приезда из Минвод в Краснодар я жил со своей семьей [жена и ребенок]. Сперва как-то было хорошо, домохозяин не притеснял меня, не предъявлял такие гнусные условия, как теперь. Так прожил с 1921 года по времени, но вот недавно последняя, ослепленная личными выгодами, не имея сарая и вдобавок цементный пол, отчего часто болен, отобрала у меня последний чердак, где я складывал дрова. Квартира у меня до невозможности негодная для жилья: в двух шагах от уборной, низкий потолок, цементный пол, без коридора, без сарая» [25].

Другим источником жилищных конфликтов стало дифференцированное распределение жилой площади. «Жилищный голод» не позволил удовлетворить всех нуждающихся даже минимальной санитарной нормой. Таким образом, у одних жилищные условия были лучше, чем у других. Хотя стоит заметить, что такое распределение квадратных метров с экономической точки зрения было вполне оправдано. Заработка обывателя было недостаточно, чтобы оплатить излишек квадратных метров. А делать квартирные ставки ниже установленной государством платы было нерационально. И без того заниженной квартирной платы едва хватало, чтобы покрыть жилищные расходы. Однако городской обыватель, выходец из рабочей среды, не был готов понять сложную систему распределения квадратных метров. Обладатель «лишних» квадратных метров становился объектом зависти и ненависти. Чтобы занять чужую жилую площадь и хоть как-то улучшить свои жилищные условия, соседи выживали друг друга, создавая невыносимые условия

для жизни [26, с. 122]. Например, член партии Валанюк оскорблял, угрожал тюрьмой членам жилищного коллектива и вел себя крайне вызывающе [27].

Пытаясь улучшить свои жилищные условия, обыватель был готов доносить на соседа, забирать чужое имущество или идти на откровенный стовор с другими жильцами. Как правило, «добропорядочные советские граждане» считали своим долгом сообщать контролирующим органам информацию о некоммунистическом поведении некоторых членов партии. К нему относились с чуждым элементом, пьянство, измены, дискредитация партии и советской власти. К примеру, семья рабочих из Краснодара жаловалась, что их сосед, «бывший», владелец мельницы, занимает 2 квартиры, тогда как их собираются выселить (стилистика документа сохранена): «Дицман бывший капиталист, владелец мельницы в Анапе. По старой барской привычке они живут шикарно и так как отец Иосиф Дицман служил в это время в банке получал 89 руб. <...> Павел Дицман член союза Рабпрос прикрывает своих родственников и этим буржун вновь приспосабливается паразитировать на счет государства пользуясь скидкой не будучи членами союза и т. д. Сестра П. Дицман Любовь пишется разведенной, скрывая своего первого мужа, в то же время выставляя второго с которм жилла во время военного коммунизма 6 месяцев а потом разошлась. И теперь она опролетарицировалась носит модное имя “разведенная жена рабочего”, но самое главное что дочь ее Елена учится на казенный счет в Детском саду № 2 и носит также фамилию Дицман, скрывая фамилию отца, которая вероятнее громче чем Дицман. <...> Мы с мужем рабочим завода “Кубаноль” поселились у Дицмана по исполнительному листу суда и это не понравилось и они всячески стали выживать. Был 2-й суд Дицман Павел красиво говорил, что Мешковским квартира не нужна и если б была нужна, то с удовольствием бы уступил рабочему, и теперь отец его занимает 3 комнаты в 65 кв. арш. а мы занимаем 1 комнату и эта им понадобилась. Среди зимы они хотят нас выселить. Павел Дицман занимает квартиру по Рашпилевской 46 сам, а с нами по Карасунскому каналу 10 квартира считается отца так как он член союза платит за обе квартиры, а рабочие не имеют возможности иметь 1 комнату. Вот как буржуи сумеют устраиваться» [28].

Жителя Кубанской области обвиняли в том, что он пел царский гимн. Он же в ответ обвинил своего соседа Леснова в некоммунистическом поведении (стилистика документа сохранена): «...Между прочим гр. Леснов тоже не ведет монашеский образ жизни, не реже двух раз в неделю к нему приезжают его ближайшие родственники, откуда-то из станицы, привозят вино, за распитием которого напевают заунывные песни, похожие на церковные псалмы. Не могу точно сказать, поет ли с ними Леснов, но во всяком случае не мешают им петь. Леснов “праздновал” Рождество не по новому стилю, а по старому с традиционным гусем и выпивкой» [29].

Члена партии Ивашко его родня обвиняла в том, что он выселяет их из дома (стилистика документа сохранена): «Заявляя в том, что на меня подано заявление от моих родных якобы я веду образ жизни как не подабают коммунисту, веду разгул и устраиваю дома, на квартире скандалы дотого что выгоняю родных из дому и продаю дом, а родных выгоняю с детьми на улицу, как будто уже продал дом и деньги получил. Считаю, что заявления не верны и нелепы и даже подлы» [30]. Гражданина Журавлева из Краснодара весь жилколлектив, который находился на улице Красной, ложно обвинял в неправомерном заселении комнаты и нанесении побоев одной из обитательниц ЖАКТа [31]. Хотя стоит отметить, что любую попытку оклеветать себя обыватели пресекали на корню. Защищая свое «доброе имя», рабочие и партийные работники обращались к партийной элите, прессе или в контрольные органы, в которых жалобщики перечисляли свои «заслуги» перед советской властью: «С самого начала организации Красной Армии я вступил в ее ряды, ...я честно служил, открыто отстаивая интересы республики на фронте» [32, с. 318], «Я ответственный советский служащий» [33], «Я, рискуя своей жизнью, добровольно записался в Красную Армию» [34, с. 376], «Я, демобилизованный красноармеец, находился в рядах Красной Армии с 1920 года, ...честно и бескорыстно выполнял свой революционный долг, стоя на страже общегосударственных интересов» [35], «Как член партии, служивший в Красной Армии по борьбе с контрреволюционными бандами с 1919 по 1920 включит. в органах ГПУ, в советских и партийных организациях, не получивший ни разу от соответствующего органа замечания или выговора» [36].

Острый жилищный кризис привел к потере человечности. Как отмечал немецкий философ Л. Фейербах, «там, где люди скучены друг с другом, как, например, на английских фабриках и в рабочих жилищах, где людям недостает в достаточном количестве даже кислорода воздуха... – там для морали совсем не оставлено места...». Отказ от морали становится повседневной практикой выживания в критических условиях, позволяет активнее отстаивать «права», уничтожает чувство неловкости от неизбежного вторжения в интимную сферу жизни соседей [37]. Обыватель априори считал классовым врагом любое лицо, живущее в более комфортных условиях, поэтому отобрать имущество у «бывшего» не считалось чем-то зазорным, неприличным или аморальным.

Еще одним видом конфликтов между соседями стали пьяные ссоры. Бытовые проблемы и неудобства, социальная нестабильность, эмоциональный дискомфорт и семейные проблемы способствовали потреблению населением алкоголя. Плохие жилищные условия стали источником стресса, снять который обыватель пытался с помощью алкоголя. Однако спиртные напитки только провоцировали конфликты. «Прошу вас принять меры к..., т. к. он партийный. Он измывается над людьми, и всегда пьяный как свинья, и подымает в чужих квартирах скандалы» [38]. В другом случае некто Кичкин в пьяном виде наносил оскорбления соседу и угрожал ворваться в его квартиру [39].

Таким образом, одним из следствий «жилищного голода» стало обострение отношений между соседями. В основном конфликты в муниципализированных домовладениях происходили из-за эмоциональной несовместимости жильцов и повышения квартирной платы. Чтобы хоть как-то улучшить свои жилищные условия, обыватель готов был прибегать к крайним мерам: психологическому выживанию, доносам (не всегда правдивым) и созданию некомфортных условий для жизни, что способствовало развитию негативного эмоционального репертуара: зависть, злость, ненависть стали повседневными спутниками обитателя муниципализированного жилья.

Ссылки:

1. Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (дата обращения: 04.05.2017).
2. Конышева Е.В. Восприятие европейского опыта в городском планировании и строительстве в советской России 1920-х – 1930-х годов: этапы и формы // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 2 (25). С. 90–100.
3. Там же. С. 91.
4. Sosnovy T. The Soviet urban housing problem // American Slavic and East European Review. 1952. Vol. 11, no. 4. P. 288–303.
5. Микуленок Ю.А. Городская повседневность в раннем советском обществе в ракурсе жилищного и внутрисемейного конфликта (по материалам контрольных органов Кубани и Черноморья 1920-х годов) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2016. 191 с.
6. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. 303 с.
7. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 454. Л. 200.
8. ГАКК. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.
9. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодар. края). Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.
10. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 570. Л. 54.
11. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 7. Л. 140.
12. Каган А.Г. Молодежь после гудка. М., 1930. 276 с.
13. Микуленок Ю.А. Указ. соч. С. 112.
14. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. СПб., 1999.
15. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 172.
16. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 62.
17. Микуленок Ю.А. Указ. соч. С. 116.
18. Каган А.Г. Указ. соч. С. 2.
19. Жилищный вопрос // Красное знамя. 1923. № 161. С. 1.
20. С. Кр. Где же выход? (К жилищному вопросу) // Красное знамя. 1923. № 184. С. 1.
21. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 62.
22. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.
23. ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 228. Л. 35.
24. Микуленок Ю.А. Указ. соч. С. 120.
25. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 570. Л. 274.
26. Микуленок Ю.А. Указ. соч. С. 122.
27. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 86.
28. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 187 об.
29. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 187.
30. Там же. Л. 158.
31. Там же. Л. 108.
32. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. 664 с.
33. ГАРО (Гос. арх. Ростов. обл.). Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.
34. Письма во власть ... С. 376.
35. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 570. Л. 109.
36. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 62.
37. Беззубцев-Кондаков А. Указ. соч.
38. ЦДНИКК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 206. Л. 3.
39. ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 77. Л. 11.

References

- Bezzubtsev-Kondakov, A 2017, *Russian man in a shared apartment*, viewed 04 May 2017, <<http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html>>, (in Russian).
'Housing issue' 1923, *Krasnoye znamya*, no. 161, p. 1, (in Russian).
Kagan, AG 1930, *Youth after a factory whistle*, Moscow, 276 p., (in Russian).

- Konysheva, EV 2014, 'Perception of the European experience in urban planning and construction in Soviet Russia in the 1920s-1930s: stages and forms', *Vestnik Permskogo universiteta*, Issue 2 (25), pp. 90-100, (in Russian).
- Lebina, NB 1999, *Everyday life of the Soviet city: the standards and deviations in 1920-1930*, St.-Petersburg, (in Russian).
- Letters to authorities. 1917-1927. Statements, complaints, denunciations, letters to the state structures and the Bolshevik leaders* 1998, Moscow, 664 p., (in Russian).
- Meerovich, MG 2008, *Punishment by dwelling: housing policy in the USSR as a means of people management (1917-1937)*, Moscow, 303 p., (in Russian).
- Mikulenok, YuA 2016, *Urban daily life in the early Soviet society in terms of housing and intra-family conflict (based on the materials of the control bodies of the Kuban and Black Sea regions in the 1920s)*, PhD in History thesis, Krasnodar, 191 p., (in Russian).
- Sosnovy, T 1952, 'The Soviet urban housing problem', *American Slavic and East European Review*, vol. 11, no. 4, pp. 288–303, <https://doi.org/10.2307/2492010>.
- 'Where is the way out? (To the housing issue)' 1923, *Krasnoye znamya*, no. 184, p. 1, (in Russian).